

После этих приготовлений Чунчжэнь почувствовал усталость и упал в кресле дракона, вспоминая сцены со дня своего восшествия на престол.

Брат императора, император Тяньци, взял его руку перед смертью и сказал: брат мой когда для Yao Shun.

Для того, чтобы сказать это, в целях восхождения династии Мин, он сначала, кроме Вэй Чжунсяня, собирает власть, однако, после убийства мертвых евнухов, а затем вне партийных споров, то является вторжением Цзинь, Юань Чунхуань материи.

Когда Хуан Тайцзи закончил подбрасывать и поворачивать, он думал, что, прежде чем восстанавливать хорошую страну, он ляжет и выдержит несколько лет внутреннего экономического строительства, но потом случилось стихийное бедствие, и так много людей восстали.

Стихийная помощь, умиротворение, отправка войск в осаду, все средства были использованы для тушения урожая бандитов, но затем выскочили из более беспощадных бандитов, а затем развернули войска, чтобы подавить, бежать, капитулировать, готовые к истреблению с помощью взрыва, Цзянь Ну и вошли в перевал

Шестнадцать лет, эта южная и северная вещь, чтобы бросить плотину, но и бросить себя, только четыре или пять часов сна в день, встать на рассвете, чтобы пойти в суд, либо с сотней чиновников ссорятся, чтобы увидеть сотни чиновников ссорятся.

Время от времени откуда-то приходит всплеск плохих новостей или что-то вроде того, что Ляодун граничит с ним срочно! Китайские бандиты идут! Убит местный чиновник! Королевская гробница выкопана! В Шэньси опять голод! В Хенане еще одна саранча! Это чума!

Все эти годы он старался изо всех сил, днем и ночью, днем и ночью, усердно и усердно, но как бы он ни старался, он не мог добиться идеального конца, а вместо этого позволил отставшим солдатам спуститься в Пекин.

Чунчжэнь смеялся над собой, с необъяснимым чувством одиночества.

Вдруг его глаза, которые были недисциплинированными, стали острыми, и он вспомнил сцену пять лет назад, когда он спорил с принцем Чу Цзы Лонгом.

Принц сказал, что у него была мечта, что Ли Цзычэн поведет сотни тысяч войск в столицу, и в отчаянии заставил императриц и наложниц повеситься, и сам срубил принцесс, и, наконец, ступил на холм Вива и повесился на кривошеевом дереве.

В конце концов, он был вынужден напасть на столицу с сотнями тысяч солдат и наложниц, и убить саму принцессу, и, наконец, войти в Вива Хилл и повеситься на кривошеем дереве.

Разве не кажется, что все это произойдет? Если Ли Цзычэн стал императором, что еще невозможно? С нынешним состоянием чиновников в столице, может ли эта столица действительно выдержать?

Первоначальная уверенность Чунчжэня в себе постепенно рухнула, он снова вызвал Чжан Шизе, и после нескольких тайных объяснений быстро отправился во дворец Кунинг, где жила императрица.....

В конце концов, люди знали, что в город идут солдаты, и дворец был везде на шатровых

крючках, но только императрица Чжоу была спокойна, как вода, играя во дворце цинь.

Глядя на своего мужа, который выглядел ненормально, императрица Чжоу мягко спросила: "Ваше Величество, вы плохо выглядите, что случилось?".

Глядя на добродетельную Императрицу, на тихую и элегантную обстановку, испуганное сердце Чунчжэня постепенно успокаивалось, редкая улыбка, и говорила: "Императрица, сколько лет прошло с тех пор, как ты вернулась в Сучжоу?".

"Прошло восемнадцать лет с тех пор, как я вышла замуж за благородного короля, и я никогда не возвращалась в свой родной город Сучжоу."

"Тогда ты скучаешь по своему родному городу?"

Императрица Чжоу вспоминала: "Я хочу, я скучаю по маленьким мостикам и проточной воде в моем родном городе, я скучаю по старому дому семьи Чжоу..."

Чунчжэнь кивнул и сказал: "Хорошо, я приказываю тебе, с четырьмя детьми, Юнваном, Динваном, Кунсином и Чжаореном, немедленно отправиться на юг в Нанкин и Сучжоу на некоторое время, и вернуться весной следующего года".

Императрица Чжоу удивилась: "Ваше Величество, зачем вы это сказали?"

Чунчжэнь взяла ее за руку и сказала: "Я просто хочу, чтобы у тебя было это желание, чтобы ты могла поехать домой, в свой родной город, и навестить Принца в Нанкине".

"Ваше Величество, скажите мне правду, столица не в состоянии удержать?" Императрица Чжоу уставилась на него всерьез.

Чунчжэнь вздохнул и сказал: "Бродячие бандиты скоро окружают город, сказав, что через три дня город разобьется, и столица скоро станет изолированным городом и полем боя, так что я не знаю, как долго мне придется его удерживать".

Глаза императрицы Чжоу затуманились и мягко спросили: "А как насчет вас, Ваше Величество? А ты?"

Чунчжэнь легко улыбнулся и сказал: "Я, естественно, хочу жить и умереть вместе со столицей".

Императрица Чжоу свирепо обняла его, выливались слёзы: "Я никуда не уйду, я хочу быть с Его Величеством, в жизни и в смерти".

Чунчжэнь слегка похлопал ее по спине и сказал в тоне, который нельзя было игнорировать: "Я хочу, чтобы ты немедленно отправился на юг!".

"Никогда!"

Чунчжэнь отшлепал струны и закричал низким голосом: "Вперед!"

Тело императрицы Чжоу дрогнуло, когда она закричала: "Я сказала, что где бы ни было Его Величество, я буду жить и умирать с Ним!".

Чунчжэнь обнял императрицу Чжоу, как будто она обычный муж, и прошептал ей на ухо: "Будь послушной, ты и твоя императорская невестка возьмите Цзюцзюнь и Эйми на юг, я

приготовил лошадей и мужчин к отъезду сегодня вечером".

Императрица Чжоу плакала, как дождь, и все члены дворца Кунинг были одинаково печальны и плакали.

Император Чунчжэнь медленно толкал дорогу, вздыхая, "Вперед".

Думая о безопасности двух своих детей, Императрица Чжоу только должна была, он сказал в своем сердце: "Изгнанники придут, дворец главы дворца, первоначально не мог покинуть Его Величество, но должен был уйти, если, к сожалению, город сломался, Его Величество нездоров, я не буду жить один..."

В ту ночь императрица Чжоу, императрица Чжан, Юань Гифэй, Дин Ван Чжу Цзюнь, принцесса Кунсин, принцесса Чжаорен, шесть человек, в сопровождении пятисот прекрасных всадников божественного батальона "Поворот", в спешке едут на карете на юг.

Отправьте императрицу Чжоу, Чунчжэнь и в одночасье вызовите в Академию Ханьлинь обзор Фан Ичжи, прямо: "Я знаю, что ты и твой отец и сын - народ наследного принца, я должен ценить твои знания, прежде чем позволить тебе, как Дин Ван и учитель Йонг Вана".

Фан Ичжи равномерно сказал: "Я в ужасе".

Чунчжэнь не хочет говорить ерунду, прямо: "Ситуация в столице вы также знаете, я не уверен, может ли она быть проведена, сегодня вы призваны, это для вас, чтобы взять Yong Wang Cishao на юг, немедленно иди!

Клык Yizhi был шокирован и сразу же поклонился, чтобы получить указ, он никогда бы не представил, что император мог быть настолько ясным о ситуации в это время.

Чунчжэнь продолжил: "Помните, когда приедете в Нанкин, скажите кронпринцу, что если со мной что-нибудь случится, пожалуйста, попросите его хорошо относиться к королю Йонгу и королю Дин".

Тело Фан Ичжи яростно покачалось и снова поклонилось: "Я получу орден, и я обязательно передам завещание Его Величества наследному принцу слово в слово"!

В последние несколько лет правительство прилагает немало усилий для улучшения качества жизни людей в городе.

Далее, пришло время отпустить и пойти по-крупному!

.....

Ранним утром первого дня восьмого месяца шестнадцатого года Чунчжэня, за пределами Сюйчжимея Пекина.

Над равнинами, туманная грива, защитники столицы едва чувствовали, как трепещет земля, они напрягались, чтобы посмотреть, вдруг перед ними появилось море людей.

На них были коматозные шляпы и желтая одежда, и на каждой из них было написано "Шун".

Желтые одежды и доспехи воров были похожи на желтые облака, покрывающие пустыню, а их флаги трепетали, слой за слоем, как копья в лесу или саранча на солнце, клянусь сожрать все на свете.

На башне города Сюйчжимень Чжан Шизе посмотрел на бесконечное армейское формирование, и его сердце слегка содрогнулось, когда он пробормотал: "Идут отставшие, их так много..."

Сначала он огрызнулся: "Отправить приказ артиллерийскому батальону на подготовку, и когда отставшие войдут в двухмильную дальность, красный варвар тяжелой артиллерии будет немедленно бомбить их!"

Санитары рядом с ним были заняты ведением.

На стенах городской стены повсюду в столице стояли десятки пушек Red Yi, а также сотни пушек Furlong различных размеров, и почти половина батальона Божественной Машины была переведена.

С громким звоном тревоги, был отдан приказ, и артиллерия везде начала вращаться, регулируя угол, дверь из почерневшей пушки, выталкивающая из окна, готовая к бомбардировке.

Армия разбойников все еще бомбила, они все ближе и ближе, грохот наступления бросался, как гром, и поражал сердца солдат во главе города.

В shun армии в радиусе двух миль, только чтобы услышать огромную пушку, большой толстый белый дым от стен на подъеме, а затем громовые артиллерийские бомбардировки непрерывно.

В дворце Цяньцин ручка Чжу императора Чунчжэня, которая просматривала записку, дрожала и резко поворачивалась, чтобы посмотреть в сторону Сюйчжименя.

Охранники, гражданские и военные чиновники, евнухи и евнухи, купцы и люди - все смотрели на Сюйчжимень, по всей столице царил напряженная атмосфера, и у всех были разные мысли.

Но всем было ясно, что произошло событие, которое войдет в историю!

<http://tl.rulate.ru/book/41393/1047041>